

УДК 330.1(045)

*В.В. Матвеев***ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР:
СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

Вопрос о причинах и факторах эффективного экономического роста уже в течение длительного периода времени относится к числу наиболее дискуссионных в экономическом сообществе. Главная сложность здесь заключается в том, что исторические изменения определяются сложным системным взаимодействием множества противоречивых факторов. Данная ситуация нашла своё отражение в современной экономической теории. Сторонники неоклассического направления в принципе не согласны со взглядами представителей австрийской экономической школы. В то же время современный образ экономического мышления уже невозможно связывать только с неоклассической теорией. Это объясняется тем, что неоклассическая теория в принципе не рассматривает проблему взаимного влияния друг на друга институциональных изменений с качеством и темпами экономического роста. Это нашло своё подтверждение в том, что рыночные реформы в России в 90-х годах XX века привели к очень противоречивым результатам. Уверенность в том, что рыночная экономика сама по себе быстро разрешит все проблемы молодого российского государства и его населения, сменилась эмоцией разочарования как в рыночной экономике, так и в либеральных ценностях. Одна из главных причин, предопределивших выбор данного сценария развития российской экономики, напрямую связана с институциональными характеристиками нашего общества. Следует чётко осознавать, что экономический рост является результатом сложного взаимодействия технологии, народонаселения, идеологии, политики и институтов.

Ключевые слова: экономический рост, общественный выбор, неоклассическая теория, австрийская экономическая школа, стабильность, институциональные изменения, идеология.

Вопрос о причинах и факторах эффективного экономического роста уже в течение длительного периода времени относится к числу наиболее дискуссионных в экономическом сообществе. Главная сложность здесь заключается в том, что для исследования исторических изменений не нашлось адекватной парадигмы, не говоря уже об инструментах. Лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт пишет в одной из своих работ: «Экономическая парадигма – неоклассическая теория – создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (при том, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» [1; 7]. Следует согласиться с мнением А. Заостровцева: «Фундаментальная перестройка образа мышления несовместима с опорой на неоклассическую концепцию (базис современного экономического мейнстрима)» [2].

Д. Норт утверждает, что неоклассическая теория не в состоянии сколь-нибудь внятно объяснить причины изменений в экономике, так как в принципе не рассматривает проблему взаимного влияния друг на друга институциональных изменений с качеством и темпами экономического роста. Например, Д. Норт отмечает три принципиально присущих неоклассической теории недостатка: она «рассматривает такую экономику, которая беспрепятственна (frictionless), статична и не зависит от человеческой интенциональности. Под “беспрепятственностью” понимается отсутствие какого-либо «внешнего» вмешательства в работу рынков и отсутствие ресурсов, необходимых для осуществления изменений (транзакционные издержки равны нулю); статична она в том смысле, что при проведении анализа не задействован фактор времени; учет интенциональности требует понимания того, как люди осуществляют свой выбор» [1. С. 102].

Здесь можно напомнить начало 90-х гг. прошлого столетия, когда рыночные реформы в России не привели к быстрому положительному результату. Уверенность в том, что рыночная экономика сама по себе быстро разрешит все проблемы молодого российского государства и его населения, сменилась эмоцией разочарования как в рыночной экономике, так и в либеральных ценностях. Сейчас уже можно утверждать, не боясь ошибиться, что одна из главных причин, предопределивших выбор именно того сценария развития российской экономики, который был реализован на практике, напрямую связана с институциональными характеристиками нашего общества. Кстати, именно об

этом прямо и жёстко указывает Д. Норт: «Бурная история России с начала 1990-х годов служит еще одним отрезвляющим примером того, как трудно создать новые работоспособные институциональные рамки. Осложняющим фактором является сам процесс изменений, из-за которых решения, почерпнутые из бывшего опыта, могут оказаться непригодными в новом контексте» [1. С. 241].

Изучение работ Д. Норта позволяет сделать вывод о том, что экономический рост является результатом сложного взаимодействия технологии, народонаселения, идеологии, политики и институтов. Это позволяет сформировать принципиально иное представление об экономическом развитии общества и причинах периодических кризисов. Именно поэтому представители неоклассического направления в экономической теории так жёстко не приемлют институциональную теорию.

Сам Д. Норт даёт следующее объяснение этому негативному отношению к своей теории: «Большинство экономистов, за редкими, но важными исключениями вроде Фридриха Хайека, игнорировали роль идей в принятии решений. Допущение рациональности отлично служило экономистам (и другим социальным ученым) в решении ограниченного перечня проблем в области микротехники, но его недостаточно для решения проблемы, центральной для данного исследования (как именно и почему реальность изменяется). В действительности не критическое принятие допущения рациональности разрушительно для большинства проблем, стоящих перед гуманитарными учеными, и является серьезным препятствием на пути дальнейшего развития науки. Допущение рациональности не является ошибочным, но его принятие с самого начала закрывает возможность более глубокого понимания процесса принятия решения в ситуации противостояния неопределенности сложного мира, созданного нами» [1. С. 19-20].

Д. Норт утверждает: «Институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [3. С. 17].

Если принятая в данном обществе система институтов становится тормозом для его дальнейшего развития, негативно влияет на увеличение прибыли, то в данном обществе имеет место ситуация для институциональных изменений. Следует помнить, что любые институциональные изменения происходят достаточно медленно, зачастую незаметно. Это достаточно легко объяснить, так как новые институты всегда воспринимаются со значительной долей неуверенности и скептицизма. Следует помнить, что победа прогрессивного института не является изначально предопределённым вариантом. Вполне возможным будет тот вариант развития событий, когда победа оказывается за сторонниками устаревшего института.

Как известно, институциональная теория в качестве единственного субъекта действий рассматривает отдельно взятого индивида. Только индивид в состоянии определять цели, иметь собственные интересы, принимать решения, совершать действия. Семья, группа, общество, государство не обладают какими-либо собственными интересами. Их интересы – это интересы отдельно рассматриваемых индивидуумов. Именно в этом заключается суть принципа методологического индивидуализма. Всегда следует определять конкретных индивидуумов, которые навязывают другим обязательные для исполнения собственные цели и интересы. Таким образом, функционирование любого сообщества людей – это сложный результат взаимодействия индивидуумов, которые пытаются навязать друг другу собственные интересы.

Например, в XVII в. России была проведена печально знаменитая церковная реформа, которая привела к сильнейшему идеологическому расколу между сторонниками и противниками церковных нововведений. Эта реформа напрямую связана с тремя историческими персонажами, каждый из которых был сильной, жестокой и крайне противоречивой личностью, не склонной к компромиссам. Патриарх Никон (по происхождению мордовский крестьянин) сформировался в среде грубого приходского духовенства и обладал крутым, нетерпимым к чужому мнению нравом. Его непримиримый противник, лидер церковной оппозиции Аввакум Петров едва спасся от своих прихожан, которые хотели его убить за творимые им самоуправства по насаждению благочестия. Понимание благочестия у А. Петрова было сугубо индивидуальным. Царь Алексей Михайлович был властным и упрямым государем. Он твёрдо гнул свою линию, совершенно не считаясь с ценой и последствиями своих решений.

Итогом церковного раскола был не только конфликт церковных идеологий. Сторонники «старой» веры постепенно сформировали собственную деловую этику, которая в значительной степени предопределила успехи предпринимателей-староверов.

Действительно, старообрядческие сёла в своём подавляющем большинстве были более зажиточными и чистыми. Приветствовалась бережливость, общинное взаимодействие, помощь, доверие и отрицалась праздность. В конечном итоге институты доверия трансформировались в сферу предпринимательства. Это вполне объяснимо, так как в ситуации притеснения со стороны государства эти институты стали наиболее востребованными и актуальными, любые варианты выживания – важными и значимыми. Духовная элита старообрядцев благословила и торговлю, и предпринимательство. В результате были сформированы правила торговли и ведения учёта. По некоторым данным, даже в советские годы старообрядцам в большей степени доверяли вести бухгалтерию.

Старообрядческие общины обладали явным преимуществом в разрешении конфликтов в России XVIII – XIX вв. В условиях неразвитости правовой системы община выступала в качестве гаранта прав собственности и осуществления различных финансовых и прочих операций.

Кроме того, староверы были более грамотными, чем прочее российское крестьянство, входящее в официальное православие. Это было связано с необходимостью самим вести церковные службы и переписывать книги. Однако грамотность дорого стоила, и далеко не каждый мог себе её позволить. Обучение грамоте требовало времени, усилий и денег.

В истории промышленного развития России предприниматели-староверы первыми стали использовать иностранные инновации и первыми – строить фабрики с импортными станками. Старообрядец В.Е. Соколов в 1827 г. первым в Москве установил жаккардовые станы. С.В. Морозов в начале 1840-х гг. первым в России приступил к ввозу английских станков и начал устраивать свои фабрики по ланкаширскому образцу, используя английских мастеров и инженеров [4].

Ещё один пример – это борьба английских колоний в Северной Америке за свою независимость. Конфликт метрополии и колоний был персонифицирован с обеих сторон. Основа этого конфликта – экономические интересы.

Представители американских колоний в сентябре-октябре 1774 г. созвали Первый Континентальный конгресс. Формальная причина конгресса – принятие Британским парламентом Принудительных актов, которые были направлены на усиление роли метрополии в управлении американскими колониями [5]. С помощью этих законов король и парламент Британии намеревались остановить рост сопротивления в колониях. Однако эти меры только ухудшили ситуацию, так как колонисты восприняли законы как нарушение своих экономических и политических прав. Среди населения колоний эти акты получили название Невыносимых законов.

«Бостонский портовый акт» был ответом на Бостонское чаепитие. Закон запрещал судам заходить в порт города Бостон до тех пор, пока город не выплатит Ост-Индской торговой компании компенсацию за уничтоженный чай. Кроме того, король должен был удостовериться в прекращении в городе мятежа. Этот закон вызвал возмущение всех жителей Бостона, так как поголовно наказывал всех горожан, в том числе и тех, кто не принимал участия в Бостонском чаепитии. Тем самым были нарушены гражданские права. Таким образом, здесь идёт речь о нарушении базовых экономических и правовых институтов. Кстати говоря, это замечание справедливо и по отношению к другим актам.

«Массачусетский правительственный акт» обязывал полностью заменить правительство в колонии Массачусетс. Теперь все члены правительства назначались губернатором или королем. Кроме того, в Массачусетсе ограничивались полномочия городских собраний. Этот закон вызвал в колониях еще больше недовольства, чем Портовый акт, как в самом Массачусетсе, так и за его пределами: колонисты опасались, что метрополия затем примет аналогичные законы в отношении и других колоний.

«Судебный административный акт» позволял губернатору Массачусетса переносить судебные разбирательства над представителями британских властей в другие колонии или даже на территорию самой метрополии. Хотя закон гарантировал свидетелям возмещение всех дорожных расходов, немногие колонисты могли оставить без присмотра свой дом ради участия в судебном разбирательстве за океаном. Будущий первый Президент США Дж. Вашингтон считал, что этот закон позволит представителям британских властей безнаказанно нарушать права американцев и при этом избегать наказания.

«Квартирьерский акт» давал губернатору право по своему усмотрению размещать на постой солдат, если власти колоний по каким-то причинам уклонялись от решения данного вопроса. Этот акт вызвал наименьшее недовольство.

Англия надеялась, что эти законы не только позволят изолировать массачусетских радикалов, но и вынудят колонии признать верховенство Парламента над местными выборными органами. Однако строгость новых законов, нарушавших экономические и юридические права колонистов, привела к противоположному результату: численность сторонников метрополии существенно уменьшилась.

Итогом работы Конгресса было принятие «Декларации прав и жалоб», которая содержала заявление о правах американских колоний на «жизнь, свободу и собственность», а также выражала протест против таможенной и налоговой политики метрополии. Кроме того, было принято решение об объявлении торгового бойкота метрополии: с 1 декабря 1774 г. запрещалось покупать английские товары и продавать американские товары англичанам.

Второй континентальный конгресс собрался 10 мая 1775 г. в Филадельфии. Отношения между колониями и метрополией были на грани разрыва, дело явно шло к войне. Североамериканские колонии не собирались отказываться от своих требований. Король Англии Георг III не собирался идти на уступки. С точки зрения Британии, Конгресс не обладал никакой легитимностью. Через девять дней после начала работы Конгресса произошло первое вооруженное столкновение.

Тем не менее, представители колоний, собравшиеся на Конгрессе, еще не теряли надежды на мирное решение конфликта. На Конгрессе не было единства. Большинство делегатов поддержали предложение Дж. Дикинсона, предлагавшего согласиться с предоставлением колоний автономии, а не полной независимости. В результате 5 июля Конгресс принимает петицию, получившую красивое название «Оливковая ветвь» [6]. Делегаты заверяли Георга в своей верности и просили предотвратить кровопролитие. Однако эта петиция не означала отказа от выдвинутых ранее экономических требований: отменить Принудительные акты, ограничивающие торговлю колоний.

Дж. Дикинсон утверждал, что колонии не хотят независимости, их главное требование – это установление равноправных торговых и налоговых правил с метрополией. Королю предлагалось составить окончательный вариант соглашения об урегулировании торговых споров. В то же время изначально королю следовало согласиться с требованием колоний о предоставлении колониям права свободной торговли. Предлагалось установить равные налоговые ставки в метрополии и колониях.

Ричард Пенн и Артур Ли направились в Лондон 8 июля 1775 г., они должны были доставить петицию королю. Министр колоний лорд Дартмут был ознакомлен с петицией 21 августа. Король Англии Георг III отказался встречаться с представителями Конгресса. Уже 23 августа, согласно королевскому указу, североамериканские колонии были объявлены находящимися в состоянии мятежа. Король выступил с Воззванием: «Все наши офицеры, ... и все наши законопослушные и верные подданные должны приложить максимальные усилия к подавлению восстания» [7]. Необходимо отметить, что королевское Воззвание было написано ещё до получения текста петиции министром колоний. Таким образом, король Георг III как представитель государства изначально отвергал любые варианты институциональных изменений. В результате вместо переговоров и поиска разумного компромисса обе стороны оказались в состоянии вооружённого конфликта, который закончился победой колоний. Экономические и политические институты, мешавшие экономическому развитию американских колоний, были ликвидированы.

Изначально только небольшая группа делегатов Второго Конгресса во главе с Дж. Адамсом были уверены в том, что война между колониями и метрополией является неизбежной. Отказ короля предоставил Дж. Адамсу и его сторонникам прекрасный шанс выступить с лозунгом о необходимости борьбы колоний за получение полной независимости от метрополии. Отказ короля рассматривать «Оливковую ветвь» вынудил многих колонистов осознать жёсткую действительность: либо полная независимость, либо полное подчинение британским правовым и экономическим институтам.

Оба этих примера можно рассматривать с точки зрения институциональных изменений: индивидуумы реагируют на ситуацию и её изменения во времени. В национальной экономике в качестве главного субъекта институциональных изменений выступает индивидуальный предприниматель. Хорошо известно, что на его поведение прямое влияние оказывают положительные и отрицательные стимулы, заложенные в институциональной системе. Поведение индивидуального предпринимателя зависит от оценки внешней среды и происходящих в ней изменений. Процесс изменений в подавляющем большинстве случаев носит инкрементный (постепенный) характер, хотя в некоторых ситуациях реальными становятся дискретные (быстрые и радикальные) изменения в формальных институциональных правилах.

Институциональные изменения – это непрерывный процесс возможной адаптации к правилам, нормам и системе принуждения, причем государство может выступать как инициатором изменений,

так и, наоборот, охранителем существующего порядка вещей. Если процесс адаптации к изменениям (или сохранение существующего порядка вещей) воспринимается предпринимателями как необоснованно затратный, то наиболее вероятным сценарием становится развитие конфликта интересов между государством и экономическими субъектами.

Хорошо известно, что люди в своём подавляющем большинстве опасаются изменений. Это вполне естественно, так как любые (даже минимальные) изменения вынуждают экономических субъектов приспосабливаться к новым институциональным правилам. Поэтому неизменяемость институциональных правил обеспечивается государством путём создания сложной системой различных формальных иерархических ограничений. Именно эти ограничения позволяют экономическим субъектам совершать самые различные сделки, не утруждая себя длительными размышлениями о формальной содержательной стороне этих сделок. Конечно, речь идёт о «чистых» с правовой точки зрения сделках.

Таким образом, система формальных правил, неформальных обычаев, которая дополняется насильственными механизмами принуждения к их исполнению, формирует повседневную жизнь общества и регулирует рутинную жизнь его граждан. Требование институциональной стабильности – это стратегическая цель экономических агентов. Однако если эта стабильность начинает вступать в противоречие с их экономическими интересами, то постепенно формируется запрос на институциональные изменения. И если государство не в состоянии своевременно осуществить эти изменения, начинает формироваться запрос на разрешение этого противоречия революционным путём.

Институциональные изменения определяются двумя факторами.

Во-первых, институты трансформируются как результат фундаментальных изменений в соотношении цен. Подобные изменения принципиально меняют всю систему экономических стимулов. В результате индивидуумы вынуждены вносить принципиальные коррективы во всю систему взаимоотношений с другими экономическими агентами. Наиболее известным примером быстрого, с исторической точки зрения, и принципиального относительного изменения цен является ситуация, которая возникла после открытия Америки Колумбом. Данное событие могло, но не послужило стартом для перехода Испании к раннему капитализму: первоначальный экономический подъём первой половины XVI в. сменился стагнацией и упадком в XVII в.

Необходимо отметить, что экономическое развитие Испании в данный период времени было весьма противоречивым.

Первая половина XVI в. – это время экономического подъема, развития рыночных отношений, новых форм организации промышленности и торговли, время роста городов. Вторая половина XVI – начало XVII вв. – время упадка экономики, сокращения внешней и внутренней торговли, натурализации национальной экономики.

Результатом Великих географических открытий было получение Испанией огромных колониальных владений. Испания стала собственницей золотых и серебряных приисков. За период с 1503 по 1660 гг. в Испанию поступило более 191 тонн золота и 16886 тонн серебра, причем поначалу из Америки вывозили только золото. Кстати, в середине XVI в. европейцы узнали о платине, но этому металлу не было найдено никакого практического применения.

Однако эти материальные богатства не способствовали развитию национальной экономики, а скорее наоборот – они усилили экономический кризис.

Одной из главных причин кризиса стала «революция цен», которая охватила все страны Западной Европы. Ее последствия оказались наиболее губительными для экономики Испании. Подъём цен начался с третьего десятилетия XVI в. В первой половине этого столетия цены возросли на 107,6%, во второй половине произошел еще один резкий скачок. «Золотой век» в Испании дал в итоге повышение цен в 4,5 раза. Тяжелее всего рост цен отразился на пшенице (за 100 лет цены на пшеницу в Англии возросли на 155 %, в Испании – на 556 %). Испанские дворяне, которые были собственниками земли, стали создавать на юге Испании крупные латифундии, где применялся даже наемный труд. В результате покупательская способность крестьян, ремесленников и пролетариев сократилась примерно на одну треть [8. С. 489-505].

Э.Э. Литаврина отмечает: «Начиная с середины XVI в., Испания вступила в полосу длительного экономического упадка, который охватил сначала сельское хозяйство, затем промышленность и торговлю. Говоря о причинах упадка сельского хозяйства и разорения крестьян, источники неизменно подчеркивают три из них: тяжесть налогов, существование максимальных цен на хлеб и злоупотребления Месты. Крестьяне сгонялись со своих земель, общины лишались своих пастбищ и лугов, это приводило к упадку животноводства и сокращению посевов. Страна переживала острый недоста-

ток продуктов питания, что еще больше взвинчивало цены. Главной причиной вздорожания товаров было не увеличение количества денег в обращении, а падение стоимости золота и серебра в связи со снижением затрат на добычу драгоценных металлов в Новом Свете» [9. С. 166]. В результате вместо перехода к капитализму в испанской экономике был запущен процесс рефеодализации [9. С. 169].

В данном случае изменение институтов закончилось сильнейшим политическим и экономическим кризисом, который занял несколько столетий.

В отличие от Испании, борьба американских колоний против метрополии – это пример положительных институциональных изменений.

Второй вариант институциональных изменений связан с идеологией. Данный вопрос является одним из самых дискуссионных в современной экономической науке, и, как отмечалось нами выше, является причиной принципиальных различий между неоклассической и австрийской школами.

Д. Норт напрямую указывает на роль идеологии как причины институциональных изменений: «Я не собираюсь отрицать существование ситуаций, в которых люди готовы принести огромные жертвы ради своих идей и идеалов; напротив, люди порой так сильно убеждены в своих идеологических воззрениях, что идут на очень большие жертвы, и эти жертвы играют большую роль на протяжении всей мировой истории. Снижая цену, которую мы платим за свои убеждения, институты делают идеи, догмы, экстравагантные убеждения и идеологии важным источником институциональных изменений. В свою очередь, более глубокое понимание институциональных изменений требует и более глубокого понимания того, что же именно поддерживает существование идей и идеологий. Так что нам все еще трудно выразить в точных понятиях взаимодействие между изменениями относительных цен, идей и идеологий, формирующих представления людей, и роль всех этих факторов в институциональных изменениях» [1. С. 111].

В упрощенном виде процесс институциональных изменений может быть описан следующим образом. Экономические или политические изменения, приверженность к какой-либо идеологии приводят к тому, что одна из сторон контрактных отношений (иногда – обе стороны) считает для себя выгодным изменить институциональные правила. Однако любое правило является элементом иерархической системы правил. Поэтому любое, даже минимальное, изменение какого-либо институционального правила в принципе невозможно без изменения всей иерархической системы правил. Если изменение правил невозможно осуществить официальным путём, то эти правила начнут нарушаться участниками экономических отношений.

Постепенно формируется ситуация, при которой правило либо подвергается изменению, либо просто игнорируется. При этом никто не принуждает участников экономических отношений к выполнению этого правила.

Процесс институциональных изменений определяется следующими факторами:

1. Политические институты сохраняют свою стабильность до тех пор, пока их поддерживают организации, заинтересованные в неизменности этих правил. Здесь в качестве примера можно вспомнить многолетнюю борьбу за отмену крепостного права в России;

2. Успешное проведение любых реформ предполагает обязательное изменение системы институтов.

3. Государство обязано разработать и реализовать на практике эффективный механизм легализации новых правил.

Эффективные политико-экономические системы формируют гибкие институциональные структуры, способные переживать принципиальные изменения, сохраняя способность к саморазвитию. Однако формирование подобных систем является результатом длительного процесса, который вовсе не исключает возможности ошибок и создания неэффективных экономических систем. Таким образом, в любом обществе должна быть сформирована эффективная система общественного выбора. В противном случае обеспечить поступательное развитие общества или невозможно в принципе, или этот процесс будет крайне противоречивым и затратным для всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
2. Заостровцев А.П. Новое видение мира: от неоклассических догм к анализу исторических изменений. URL: <http://mognovse.ru/plg-zaostrovcev-a-p-spb-filial-niu-vshe-novoe-videnie-mira-ot.html> (дата обращения: 25.12.2015).

3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 180 с.
4. Староверы – духовная основа и будущее русского предпринимательства. URL: <http://www.drozdovland.ru> (дата обращения: 25.12.2015).
5. The Intolerable Acts: American Revolution The Quartering Act. URL: [http://www.upa.pdx.edu/IMS/currentprojects/ТАНv3/Content/PDFs/Intolerable Acts.pdf](http://www.upa.pdx.edu/IMS/currentprojects/ТАНv3/Content/PDFs/Intolerable%20Acts.pdf) (дата обращения: 25.12.2015).
6. Ferling, John E. A Leap in the Dark: The Struggle to Create the American Republic. Oxford, England; New York: Oxford University Press. 2003.
7. Maier Pauline. American Scripture: Making the Declaration of Independence. New York: Knopf, 1997. P. 24-25, 249-250.
8. Ведюшкин В.А., Попова Г.А. История Испании. С древнейших времён до конца XVII века. Т. 1. М.: Индрик, 2012. 700 с.
9. Литаварина Э.Э. Глава 8. Испания в XVI – первой половине XVII в. // История средних веков: в 2 т. Т. 2: Раннее новое время: учебник / под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 2000. 432 с.

Поступила в редакцию 02.12.15

V.V. Matveev

PUBLIC CHOICE: STABILITY OR INSTITUTIONAL CHANGE

The question of the causes and factors of efficiency of economic growth for the past-length periods of time is one of the most controversial in the economic community. The main difficulty here is that the historical changes in the system are determined by a complex interaction of many conflicting factors. This situation is reflected in modern economic theory. Supporters of the neoclassical direction disagree with the views of the representatives of the Austrian School of Economics. At the same time it is no longer possible to connect the modern way of economic thinking with the neoclassical theory only. This is due to the fact that the neoclassical theory, in principle, does not address the problem of the mutual influence of institutional changes to the quality and pace of economic growth. This is confirmed by the fact that the market reforms in Russia in the 90s of the twentieth century have led to very mixed results. The belief that the market economy itself can quickly solve all the problems of the young Russian state and its people has been changed to the disappointment both in market economy and in liberal values. One of the main reasons behind the selection of this scenario of Russia's economic development is directly linked with the institutional characteristics of our society. One should clearly realize that economic growth is the result of a complex interaction of technology, population, ideology, policy and institutions.

Keywords: economic growth, social choice, neoclassical theory, Austrian school of economics, stability, institutional change, ideology.

Матвеев Владимир Валентинович,
доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: mtv956@yandex.ru

Matveev V.V.,
Doctor of Economics, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mtv956@yandex.ru